

ЭНДИ РЭЙН ПОДГЛЯДЫВАЯ В БУДУЩЕЕ

18+

Энди Рэйн

Подглядывая в будущее

«Автор»

2019

Энди Рэйн

Подглядывая в будущее / Энди Рэйн — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-94481-7

Два года назад Виталию Гариеву поставлен диагноз – болезнь Альцгеймера. Уникальный случай в его годы. Он наблюдается в международном медицинском институте и получает эффективное лечение. Но есть побочные эффекты. С недавних пор ему начинает казаться, что во сне он попадает в будущее. Там Виталий сталкивается со знакомыми из настоящего, узнает о смерти девушки и череде неприятных происшествий. Пытаясь исправить ситуацию, он попадает в запутанную историю. Предательство, дружба и любовь ценой жизни. Удастся ли Виталию изменить будущее? А может быть, происходящее лишь плод его воображения?

ISBN 978-5-532-94481-7

© Энди Рэйн, 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1. Странные сны	6
Глава 2. Рассказ Гариева о своих снах	10
Глава 3. Лучший психотерапевт	14
Глава 4. Знакомство с Николаем	16
Глава 5. Тревоги Адама	20
Глава 6. Поиски птиц	23
Глава 7. Стойкая Маринэ	27
Глава 8. Незнакомец из будущего	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Энди Рэйн

Подглядывая в будущее

– Вам когда-нибудь снилось будущее?

– Снилось и не раз.

– И что Вам снилось?

– Я в этом сером городе с пустыми улицами. Наверное, лет через десять или больше. В нём много странных людей и совсем нет птиц. А еще там нет её.

– Кого?

– Не знаю. Мне кажется, сейчас я с ней еще не знаком. Но в будущем, уверен, у меня её уже нет.

– Так необычно. А может это был не сон?

– Не сон? Может и не сон.

Глава 1. Странные сны

Напрягаясь изо всех сил, он бежал к двери подъезда, жадно глотая воздух. Казалось, если хотя бы на секунду отвлечься или посмотреть назад, его тут же настигнут. Совершенно не имея представления о том, кто его преследовал, и какие намерения у того были, сомнений, что нельзя попасться, не было никаких. Убегающего звали Адам. Он распахнул дверь и, забежав в подъезд, толкнул её рукой обратно так сильно, как только мог, пытаясь создать помеху.

Ноги сами повели его на лестницу и понесли вверх по ступенькам. За несколько секунд Адам проскочил два пролета, внизу грохнула дверь.

Преследователь не отставал, было слышно его тяжелое дыхание. Сквозь тьму в подъезде едва виднелись какие-то надписи красной и синей краской на стенах, под ногами хрустели стекла.

Все вокруг как в какой-нибудь жуткой компьютерной страшилке про мутантов. Хотя нет, хуже, там в темном коридоре хотя бы моргали неисправные лампочки. Здесь же властвовал мрак. С каждой ступенью бежать было всё тяжелее и тяжелее. Тьма стекала по стенам на пол и превращала ступеньки в липкий гудрон, стопы вязли в нём, и силы были на исходе.

Чувствуя, что догонявший настигает, Адам собрался с силами и сделал рывок, но внезапно ноги свело, он потерял равновесие и рухнул прямо на лестничный пролет. Пол под ним как будто разломился, словно чернота, испугавшись, отскочила в сторону.

Адам не ощутил удара от падения, наоборот, показалось, что вокруг все стало невесомым, и тело стало погружаться куда-то вглубь темноты. Гонка с преследованием закончилась, он больше не слышал шагов и дыхания позади себя, и страх испарился. Спокойствие длилось несколько секунд, пока догонявший не схватил его парящее в невесомости тело за ногу. От страха сердце забилося в груди в бешеном ритме, отдаваясь в ушах глухим стуком, как будто лошадь, испугавшаяся взорвавшейся петарды, рванула с места, стуча копытами.

Резко дернув ногой, он попытался вырваться, но рука была ужасно сильной. Повернувшись, наконец, назад, Адам попытался рассмотреть нападавшего. Черная перчатка впилась в ногу, и из тьмы на него смотрели каре-зелёные глаза преследователя, как будто на них откуда-то падал искусственный свет.

Лицо он не разглядел, но оно имело округлые очертания, больше похожие на девичьи. Послышался отдаленный крик. От ужаса Адам закрыл глаза, и ощущение реальности стало медленно растворяться. Сквозь закрытые веки все сильнее чувствовался дневной свет, а крик начал плавно превращаться в мелодию. Адам не чувствовал своё тело, но ощущал, что вокруг становилось теплее. Он открыл глаза и увидел маленького ангела прямо перед собой. Тот тянул свою ручку к ладони Адама и что-то шептал. Мелодия становилась все громче и громче. Это была стандартная мелодия будильника на смартфоне. Адам проснулся.

Выключив телефон, он быстро поднялся с кровати и поспешил в душ. После жуткого темного подъезда из сна осталось ощущение неприятных холодных мурашек на коже, хотелось смыть их теплой водой. Придя в норму, он вышел из душа, обтерся полотенцем, надел зеленые спортивные шорты, серую футболку и уселся завтракать.

На столе стояли две тарелки, накрытые кухонным полотенцем. В одной – аппетитный омлет с помидорами черри, из другой доносился сладкий аромат блинчиков. Еда еще была теплой – Адам любил свежеприготовленные блюда. После микроволновой печи вкус как будто испаряется, остается только наполовину, да и разогревается все неравномерно.

Из-под тарелки с блинчиками, что была поменьше, выглядывала записка: «Приятного аппетита, Котейка». Любимая жена приготовила чудесный завтрак, и Адам, недолго думая, бросил в омлет щепотку сушёного базилика и приступил к утренней трапезе. Пока рот занимался пережевыванием пищи, глаза облюбовали лежащую на диванчике вчерашнюю газету.

«Есть что-то интересное?» – обратился он к пестрой титульной странице, взяв газету в руки, и остановился на заголовке «Брейн резурекшн институт опубликуют результаты своих исследований уже в этом месяце».

– Ну что за бред, – возмущенно выдохнул он и небрежно отбросил газету.

В этот самый момент зубы раскусили теплый помидор черри, и кисло-сладкий вкус взбудоражил рецепторы. Адам полностью увлекся завтраком. Расправившись с едой, помыл посуду и начал не спеша собираться на работу. С момента пробуждения не покидало ощущение, что сегодня произойдет что-то необычное. Сознание словно приготовилось к какому-то важному событию. Когда он вышел из лифта на первом этаже, на часах было 7:43. Так показывали как будто замершие или еще не до конца проснувшиеся стрелки часов над выходом из подъезда.

Адам с супругой жили на третьем этаже пятиэтажного дома из красного кирпича. Деревянные оконные рамы цвета темного ореха украшали фасад. Здание создавало ощущение комфорта и производило впечатление престижного жилья. Двор был обнесен забором, по центру располагалась чудесная детская площадка, раскрашенная, наверное, самыми яркими красками какие можно было найти, а по периметру росли голубые ели, пышные, высотой больше двух с половиной метров. Квартир было немного – в доме лишь два подъезда. На каждом этаже находилось по две квартиры.

Странно, но на детской площадке Адам ни разу не видел играющих детей, похоже, их в этом доме ни у кого не было. Зато парковка была забита до предела, на каждую квартиру тут приходилось минимум по два, а то и по три автомобиля. Иногда ему в голову приходила мысль, что некоторые жильцы, а скорее их большинство, за неимением детей предпочли бы избавиться от площадки и обустроить еще пару-тройку парковочных мест.

Выйдя за пределы придомовой территории, он направился к автобусной остановке, до которой было всего пару минут ходу. Его автомобиль находился в автосервисе, и Адаму пришлось разделить участь пешеходов. Автобус почти сразу пришел. Адаму удалось устроиться у окна. Здорово иногда ездить на общественном транспорте, сидеть, глядеть в окно, думать обо всем или ни о чем, пока автобус приближает тебя к пункту назначения. Примерно через пятнадцать минут мягкая мелодия прокатилась по салону. На табло неторопливо прокатилась надпись: «Комсомольский проспект». Следующая остановка – «Пушкина», на которой и нужно было выйти Адаму.

Сразу за остановочным комплексом находилась территории краевой больницы, именно здесь компанией, в которой он работал, был арендован пятиэтажный корпус. Здание существенно отличалось от других, на нём были установлены камеры видеонаблюдения, стены отделаны штукатуркой темно-бордового цвета. На северной стороне во всю стену белыми буквами была нанесена аббревиатура – БРИ.

За входной дверью всех вошедших ожидал неприступный турникет, не оставляющий шанса пробраться через него, если пропуск остался в другом пиджаке. Адам подошел к турникету.

– Адам... – знакомый запыхавшийся голос прозвучал сзади, – погоди... опять забыла... свой пропуск.

– Проходи, Ника, – прислонив карточку к считывателю, он пропустил её вперед.

– Опаздываю... спасибо, еще увидимся!

«И куда она может опаздывать, до начала рабочего дня еще минут двадцать, – подумал Адам. – Ах, ну да, надо ведь накраситься».

На дворе было лето 2016 года. Он работал руководителем проекта в международной компании «Брейн резурекшн институт» (сокращенно – БРИ).

Эта организация занималась научными исследованиями и разработками методов для лечения тяжелых заболеваний головного мозга и дегенеративных изменений нервной системы (Альцгеймера, Паркинсона, рассеянного склероза и многих других). За последние два года в

БРИ добились ошеломляющих результатов и разработали несколько инновационных методов и препаратов. Все лекарства проверяли на целевой группе добровольцев, согласившихся принять участие в клинических испытаниях, но прошло слишком мало времени, чтобы говорить об устойчивом успехе. Тем не менее, компания была известна по всему миру. Адам работал в её подразделении – научно-исследовательском институте в России.

Он и его команда осуществляла свою деятельность на территории Российской Федерации, а также курировала исследования в Казахстане, Белоруссии и Украине, где были открыты представительства с исследовательскими центрами. Помимо интересной и важной работы, компания предлагала своим сотрудникам хорошие условия труда, высокую заработную плату и соц. пакет с дополнительной медицинской страховкой и прочими пряниками. В общем, местом своим сотрудники очень дорожили, и Адам не был исключением.

Полгода назад его перевели из Московского представительства в Западно-Уральский региональный центр, базирующийся в городе Пермь. Маринэ, так звали его супругу, переехала с ним, хотя Адам не настаивал и сначала даже немного сомневался, ведь не было уверенности, что он задержится здесь надолго. Но уже через несколько недель ему стало понятно, что здесь научная деятельность идёт иным путем. Нестандартные результаты клинических исследований, отличавшиеся от результатов коллег из других центров России, Украины, Белоруссии, Армении и Казахстана его заинтересовали (доступ к исследованиям в других странах присутствия компании был ограничен).

Поднявшись на третий этаж, Адам проследовал в свой тихий и просторный кабинет в самом конце длинного коридора. Большие панорамные окна выходили на север. Отсюда не было видно солнца от рассвета до самого заката, поэтому на окнах не было ни занавесок, ни жалюзи. Здесь Адаму часто приходилось общаться с пациентами и участниками клинических испытаний.

Помещение было правильной квадратной формы, и мебель в нём была расставлена идеально. Около окна стоял письменный стол коньячного цвета, в правом углу деревянный шкаф со стеклянными дверцами и ручками под бронзу. В углу напротив стояли два удобных кресла, повернутых друг к другу. Между ними расположился журнальный столик, настолько миниатюрный, что на него можно было положить лишь журнал и поставить чашку кофе. Надев свой халат, Адам взял в руки историю болезни одного из своих пациентов и в десятый раз пробежал глазами по лицевой странице:

«Виталий Гариев, 28.06.1981, DS – Болезнь Альцгеймера. Устойчивая ремиссия. Альцекситин, 44 мкг подкожно, 3 раза в неделю».

Сегодня в 11 утра Виталий должен был прийти на приём. В рамках клинических испытаний препарата необходимо посещать исследовательский центр не реже одного раза в неделю для беседы, сдачи анализов и проведения тестов. Во время общения важно оценивать психологическое здоровье пациента. Также необходимо проводить стандартный осмотр и определять статус физиологического состояния.

Виталий получил свой диагноз два года назад, через неделю после тридцать третьего дня рождения. Одиннадцать месяцев спустя, узнав об испытаниях препарата «Альцекситин», он одним из первых пришел вступать в группу добровольцев. Крайне редко болезнь Альцгеймера встречается в таком молодом возрасте. Применяя препарат, Виталий физически чувствовал себя прекрасно, казался бодрым и энергичным, всегда улыбался, был доброжелателен к окружающим, заболевание его совершенно не беспокоило даже в психологическом плане. Но когда они с Адамом уединялись в кабинете, поведение пациента резко менялось. Он становился очень медлительным и задумчивым и порой в ответ на простой вопрос мог на полторы-две минуты погрузиться в раздумья, а затем выдать что-нибудь загадочное, вызывающее большое количество дополнительных вопросов.

Не успели стрелки часов сообщить о наступлении одиннадцати часов, как дверь в кабинет открылась, и, как всегда, пунктуальный Виталий Гариев появился в дверном проёме. Виталий был весьма крепкого телосложения, ростом метр девяносто, носил джинсовый костюм, у него их было штук пять. Верхние пуговицы куртки были расстёгнуты, на шее красовалась толстая золотая цепь номиналом в две месячные зарплаты Адама.

– Здравствуй, Виталий! Новый костюм? – улыбаясь глазами, произнес доктор.

Виталий внимательно посмотрел на собеседника. За спиной щелкнул замок закрывшейся двери, и едва заметная улыбка испарилась с лица пациента.

– Приветствую, доктор. Да, в выходные ездил по магазинам, приоделся. Вот еще кроссовки новые.

– Тоже в выходные ездил в торговый центр, но, побродив пару часов, так ничего и не купил, – сказал Адам. – Как твое самочувствие?

– Самочувствие хорошее, голова ясная, память не подводит, – ответил Виталий.

Адам предложил сесть в кресло. Расположившись, они начали беседовать о событиях прошедших дней. Виталий рассказал о походе по магазинам в субботу и воскресенье, о велосипедном заезде на пятьдесят километров в четверг, о ресторане в среду и о баклажанах на гриле и морских гребешках на ужин. Гариев описывал все в деталях, казалось, ему это доставляло удовольствие, вспоминать и рассказывать.

– Нет ли проблем со сном, бессонница не беспокоит? – продолжал спрашивать Адам.

Услышав вопрос, Виталий замер, глядя куда-то на стену над правым плечом доктора. Он сидел не шевелясь, как механическая игрушка, у которой закончился завод. Через минуту невидимая рука медленно повернула ключик в его спине, пружина натянулась, и он снова заговорил.

– Нет. Со сном проблем нет. Совершенно никаких проблем нет, даже наоборот, сны у меня очень натуральные, каждый раз мне сложно отличить их от реальности.

– Ты видишь подобные сны каждую ночь?

Словно не обращая внимания на вопрос, Виталий продолжал:

– Только открыв глаза утром, лежа в постели, я понимаю, что спал. Каждый мой сон начинается с пробуждения в постели с утра и заканчивается засыпанием, только происходит все где-то далеко. Не на далеком расстоянии, а далеко в другом измерении, а точнее в другом времени. Это продолжается уже несколько дней.

– Во сне ты возвращаешься в своё прошлое?

Виталий снова замолчал, его взгляд замер. Не шевелясь и не отрывая глаз от пациента, Адам сидел и терпеливо ждал ответа.

– Скорее перемещаюсь в будущее. Каждую ночь.

– Слушаю внимательно, рассказывай.

Глава 2. Рассказ Гариева о своих снах

Виталий лежал на кровати, глаза были закрыты. Всем телом ощущал необъяснимую тревогу. Его слегка знобило, не хотелось открывать веки и вылезать из-под одеяла ни на сантиметр. В голове опять был этот звук, похожий на шипение ненастроенного радио за стеной.

– С добрым утром, Виталик, – пожелал он сам себе, открыв глаза.

Взяв с прикроватной тумбочки ингалятор, нажал на дозатор и сделал глубокий вдох. Вот рту стало очень горько. Серый потолок этой комнаты вызывал отторжение. Он не похож на тот потолок, который Виталий видел в своей квартире, когда просыпался по утрам. Здесь все совершенно по-другому и дело не в интерьере. Даже лежа под одеялом, Гариев чувствовал себя загнанным в угол. Невидимая угроза тучей нависла над городом и предвещала что-то недоброе.

Поднявшись с постели, он медленно проследовал в ванную комнату. Горячей воды не было, пришлось отказаться от идеи принять душ и ограничиться умыванием холодной водой. Все такое чужое и незнакомое в этой квартире. Взяв из холодильника яйца, колбасу и свежий огурец, он приготовил себе завтрак и быстро перекусил. На экране его смартфона было 15 августа 2027 года.

«Вчера было 14 августа, помню отчетливо», – подумал Виталий. Шум в голове продолжал создавать помехи мыслям. Включил телевизор, транслировали какую-то псевдонаучную передачу в студии новостного канала. Сделав погромче звук, Гариев начал слушать.

«...установили вероятный источник сигналов. Это спутник Земли – Луна. Сигнал поступает в виде волн непонятного происхождения. В разных странах, в разных городах и поселениях, разные люди сообщают о слуховых галлюцинациях и спутанности сознания», – с экрана вещал худощавый офицер лет сорока в военной форме. Из его уха торчал небрежно вставленный наушник.

«У меня примерно месяц в голове стоит шум, как будто проблемы с перепонками, сложно сосредоточиться», – вмешался с комментариями гражданин в синем свитере. Подпись в нижней части экрана оповестила, что он психолог, приглашенный в качестве эксперта.

Офицер продолжал: «От населения поступает информация о шуме в голове, многие сравнивают его с шипением, радиопомехами. Слуховые галлюцинации сопровождается чувством тревоги и беспокойством».

«Возможно ли, что на нас испытывают новый вид оружия, так называемого психического?» – подключился ведущий программы.

«Рассматривается несколько версий, психическое оружие среди них есть, но по имеющимся данным, жертвами подобного воздействия стали люди по всему земному шару. Чьих тогда рук дело эти испытания, остается загадкой», – ответил офицер. Из надписи на экране следовало, что это полковник Воздушно-космических сил Российской Федерации.

«Версию о массовом психическом расстройстве также не стоит исключать», – с серьезным видом заявил психолог на правах приглашенного эксперта.

«Количество обращений по официальной информации составляет несколько сотен тысяч в центральной России и, как я уже говорил, происходит это не только в нашей стране», – все так же четко и ровно отвечал офицер.

Психолог произвел на Гариева впечатление неглубоко погруженного в вопрос человека, приглашенного для создания толпы. Передача тоже не вызвала особого доверия. Он выключил телевизор, устроился поудобнее в кресле, закрыл глаза и начал прислушиваться к шуму в голове. Монотонное шипение радиоприёмника и необъяснимое ощущение тревоги и беспокойства. Время близилось к обеду, и Виталий решил немного прогуляться, надел джинсовый костюм, синие кеды и вышел из квартиры.

Небо было затянуто плотными облаками. Солнце светило так ярко, что даже через них слепило глаза. На улице было очень тепло для первых дней августа в Перми, градусов тридцать пять. Стояла духота, прогулка быстро утомляла. Пройдя несколько кварталов, он завернул в арку и остановился. Энергичный поток ветра обхватил его освежающей волной прохлады. Справа от Виталия висела доска с рекламой и объявлениями, и, прислонившись плечом к стене, он стал изучать разноцветные картинки и надписи.

«Потерялась собака около дома на Уинской, 4, порода далматинец, отзывается на кличку Лаки, на шее коричневый ошейник с серебристым сердечком. Будем благодарны за любую полезную информацию. Нашедшему гарантируем вознаграждение. Тел ...» – гласило самое большое объявление в центре.

А вот еще одно с цветной фотографией: «Пропал померанский шпиц, цвет черный, зовут – Бакс. Последний раз видели около Сбербанка на улице Пушкарская, 100. Помогите найти, гарантируем вознаграждение, тел. ...».

И третье тоже про потерянного питомца, на этот раз овчарка Джерри.

Участки объявлений без текста были разрисованы. Видимо, какой-то школьник так же, как Гариев, спасался от духоты в освежающем потоке ветра внутри этой арки. Заскучав, он решил себя развлечь декорированием объявлений отдельными частями мужского и женского тела, используя лишь синюю ручку и свою творческую фантазию на пике пубертатного периода.

Насладившись прохладой, Виталий не спеша направился к небольшому торговому центру. В продуктовом магазине приобрел помидоры и огурцы, немного зелени, брынзу, хлеб, упаковку семечек и минеральную воду. Поднявшись на последний этаж, где находилась развлекательная зона для детей, сел на лавку около кондиционера, достал из пакета бутылку с водой и принялся пить большими глотками.

Появился крупный молодой человек в спортивном костюме и остановился прямо перед Виталием. Он несколько секунд стоял, глядя на стену за спиной Гариева. Недоумевая, Виталий поднял глаза, продолжая пить. Достав смартфон и сфотографировав что-то на стене, парень в спортивном исчез так же быстро, как пришел. Гариев повернулся, не отрывая губ от горлышка бутылки. На стене за его спиной оказался информационный монитор института БРИ.

За время, проведенное в странных снах, Виталию много раз встречалась подобная реклама. В интернете он нашел немало занятной информации. Брейн резурекшн институт к 2027 году стала очень крупной и влиятельной фармацевтической компанией. Инвесторы со всего мира вкладывали средства в научные разработки и исследования, в сертификацию инновационных препаратов, в рекламу и маркетинг. Препараты и методы, разработанные специалистами БРИ, были гарантией стабильного состояния для людей с серьезными заболеваниями нервной системы и головного мозга. Встречалась информация, что в компании ведутся разработки и для военных.

Болезнь Гариева оставалась только в документах и справках, пока он принимал Альдекситин 2.0. Данный препарат – усовершенствованная версия Альдекситина, и вместо нескольких уколов в неделю нужно было лишь утром и вечером использовать дозированный ингалятор.

Напившись и отдохнув, Виталий спустился на первый этаж и вышел из торгового центра на улицу, перешел дорогу и сел на одну из скамеек на небольшой аллее. Шипение в голове смешивалось с шумом поднимавшегося ветра, шепотом проникая прямо в мысли. Подняв глаза и осмотрев крыши близлежащих домов, он достал семечки и с хрустом открыл упаковку. Птиц не было видно, ни одной. Демонстративно, пытаясь привлечь внимание пернатых, Гариев вытянул руку перед собой и высыпал на тротуар содержимое пакета. Семечки падали на тротуарную плитку и, шелкая, отскакивали. Ни одной птицы так и не появилось.

– Зажрались, – неожиданно сказал мужчина, сидевший на скамейке напротив, и неестественно засмеялся. Он был одет крайне неопрятно: заляпанная футболка, вся в сальных пятнах и серые потрепанные шорты.

Коричневые носки и пыльные тапочки завершали по-своему гармоничную композицию его уличного костюма. Рядом с незнакомцем на скамейке лежал черный зонт.

– Птицы зажрались. Или передохли все, – уточнил мужчина, заметив, что реакции на его первую реплику не последовало.

– Не знаю, – Виталий посмотрел на говорившего, который ответил широкой улыбкой. Зубы у него были очень желтые, лицо приятное и спокойное, глаза пристально смотрели на рассыпанные семечки. Посидев пару минут и, так и не дождавшись птиц, Гариев встал со скамейки.

– Вам они больше не нужны? – немного растерявшись, произнес сосед по аллее, не отрывая глаз от несостоявшегося угощения для пернатых.

– Нет, они предназначались птицам, – ответил Виталий и, обернувшись, снова взглянул на собеседника.

Неряшливый мужчина больше ничего не говорил, лишь продолжал смотреть на семечки. Гариев отвернулся и направился к дому. Ветер сгонял темные тучи, и вскоре они заволокли все небо.

Когда Виталий зашел домой, солнца уже не было видно, ветер стих, деревья и кусты замерли в ожидании. Открыв окно на кухне, он почувствовал, что воздух стал прохладным и влажным. Тучи настойчиво опускались на город, проглатывая верхушки высотных домов. Вдруг мелькнула вспышка, а через пару секунд раздался оглушающий грохот, похожий на залп огромного артиллерийского орудия. Еще через мгновение хлынул дождь. Казалось, что если окажешься всего на пару секунд под таким дождем, то выжимать надо будет даже нижнее белье. Гариев посмотрел в окно: те, кого дождь застал врасплох, безнадежно пытались защититься, закрываясь пакетами, сумками, одеждой, и бежали изо всех сил к ближайшему укрытию. Были и те, кто осознал невозможность легко отделаться от внезапно разбушевавшейся стихии. Они как ни в чем не бывало шли не меняя темпа. Посмотрев на аллею, Виталий увидел своего недавнего собеседника. Его размытая фигура с раскрытым зонтом вырисовывалась прямо на том месте, на котором недавно сидел Гариев. Под зонтом, прячась от дождя, на земле суежилась маленькая птица, по размеру похожая на дрозда.

«Не все передохли», – подумал Виталий и невольно улыбнулся. Последнее время птицы совсем не показывались. Приятно увидеть хотя бы одну.

Живот настойчивым урчанием напомнил о давно прошедшем времени обеда. Гариев помыл и нарезал купленные в магазине овощи и брынзу, добавил зелени, оливкового масла, сбрызнул получившийся салат лимонным соком. Наполнив высокий стакан минеральной водой и взяв приготовленный на скорую руку запоздалый обед, он сел у кухонного окна. На улице совсем никого не осталось. На дороге стояла машина прижавшись к обочине с включенным сигналом аварийной остановки. Ехать в такую погоду было просто невозможно, видимость нулевая. Собеседник с аллеи и его дрозд тоже исчезли. Власть на улицах города оказалась полностью захваченной дождем. Крупные капли, объединившись в неистовый рой, что есть сил врезались в асфальт, дома и машины. Кто-то наверху решил, что городу необходимо принять холодный душ после знойной утренней жары.

Пережевывая с хрустом овощи, Виталий прислушивался к звуку ненастроенного радио в своей голове. Звук был монотонный, такой же, как шум дождя. Просто шипение и больше ничего. Разобравшись с салатом и выпив стакан воды, Гариев переместился в спальню, где удобное кресло приняло его в свои объятия. Остаток дня компанию составлял лишь телевизор.

На часах уже было около полуночи. Вдохнув вечернюю дозу Альцекситина 2.0 из ингалятора, Гариев выключил свет, лег в кровать и залез под одеяло. На улице все еще шел дождь,

но не такой сильный. Виталий сравнил шум бушующей стихии с шипением в голове. Днем дождь звучал определенно громче. Сон медленно подкрался, неслышно забрался в постель и стал проникать под кожу, впитываться в тело.

«Ррааар!» – вдруг раздалось где-то глубоко в голове. Как будто старому ворону наступили на хвост, и он крикнул на обидчика что было сил. Сердце в груди забилося быстрее, птичий крик разбудил заснувшую тревогу. Виталий открыл глаза. Потолок в этой квартире такой чужой. Во рту ужасно горько. Куда подевались все птицы в этом проклятом городе.

Глава 3. Лучший психотерапевт

– Утром я проснулся в своей квартире, 15 августа 2016 года, – продолжал свой рассказ Виталий. – Открыв глаза, увидел знакомый потолок, потолок молочного цвета в моей уютной и безопасной квартире. Никакого шипения в голове, тревоги и след простыл. Сделав зарядку, а после, приняв душ, я позавтракал и отправился сюда. Приехав намного раньше, решил присесть на скамейку около корпуса БРИ. Разместился недалеко от входа, так и сидел минут сорок, наблюдая за птицами. За время нахождения во сне успел по ним соскучиться.

Виталий замолчал, вспоминая, как сидел на скамье и наблюдал за птицами: «Голуби, словно темно серое покрывало, сорванное ветром с бельевого веревки, перелетали с одной крыши на другую. Пара воронов на большой березе с любопытством наблюдали за снующими внизу людьми. Вороны такого бездонного черного цвета, какого не найти в крошечной тьме самого глубокого колодца. Создатель очень долго держал их в густой черной краске, затем, не жалея времени, валял в саже, потом вставил каждому по паре жемчужин черных перламутровых глаз и посадил на березу наблюдать за людьми».

– Подходило к одиннадцати, и я направился в БРИ, – закончил Виталий и посмотрел на Адама.

Доктор некоторое время смотрел на пациента, не говоря ни слова. Виталий так живо и красочно обрисовал детали и события, что Адаму все представлялось очень натурально, словно они вместе посмотрели сон Гариева в повторе. Рассказ произвел невероятно сильное впечатление.

– Альцекситин 2.0, тревога, пропавшие собаки, незнакомый потолок, – вслух перебирал Адам, собирая кусочки мозаики в единую картину маленькой альтернативной реальности из сна Виталия.

– Сегодня, услышав дежурный вопрос о проблемах со сном, решил все рассказать, – снова заговорил Гариев, – совершенно уверен, что это не просто сны.

– Виталий, ты еще не знаком с Вероникой Левановой? – спросил Адам.

– Нет, – несколько разочарованно ответил пациент, настроенный на какую-то другую реакцию лечащего врача.

– Она в нашем исследовательском центре главный специалист по вопросам психотерапии, – осторожно продолжил доктор.

– Предлагаете ей рассказать об этих снах?

– Я думаю, это может оказаться полезным. Вероника поможет разобраться.

Виталий не стал спорить и сразу согласился на встречу с доктором. Еще несколько минут они беседовали, Гариев отвечал на стандартные вопросы о наличии болей в мышцах и суставах, регулярности стула и проблемах с мочеиспусканием, мыслях о суициде. У него все было в порядке. Мужчины пожали друг другу руки и попрощались.

Часы показывали 13:20. Адам снял трубку рабочего телефона и набрал внутренний номер Вероники, но короткие гудки отшили его. Не успел он положить трубку на место, как поступил входящий звонок. На табло телефона высветилось: «V.Levanova 2335».

– Привет еще раз! – бодрым голосом проговорил Адам, но перестарался, чуть не закашлял от сковавшей горло сухости и, снизив громкость, продолжил, – как раз только что тебе звонил.

– Здравствуй, Адам. Правда? – мягко произнесла Вероника.

Голос её звучал очень приятно. Профессиональная деятельность сформировала уникальную способность – заворочить любого лишь заговорив, как сирена. Вероника определенно была лучшим специалистом этого города в своем деле.

– Ага, ты уже обедала? – поинтересовался Адам.

- Нет, как раз тебе по этому поводу и звоню, – в её голосе послышались радостные нотки.
- Пошли вместе покушаем, заодно обсудим одного пациента.
- Встречаемся у столовой через пять минут, – подтвердила Ника и положила трубку.

Адам вышел из кабинета и направился на второй этаж, где находилась столовая исследовательского центра. Сотрудники могли обедать здесь за счет компании. Кормили весьма недурно. Меню разнообразное, блюда приготовлены качественно. Единственное, чего не переносил желудок Адама – куриный шницель с гренками. Неизвестно, на каком масле его готовили, но дважды попробовав его, Адам мучился от ужасной изжоги.

Около входа в столовую ожидала она, Вероника Леванова. Психотерапевт от бога. Чуть меньше месяца назад ей исполнилось 34 года, но выглядела она гораздо моложе. Очень привлекательное лицо Вероники и яркие зеленые глаза не оставляли равнодушными мужчин. Густые темные волосы опускались чуть ниже плеч и чернилами разливались по белому медицинскому халату. Ростом она была чуть выше среднего. Увидев Адама, Ника слегка улыбнулась и, поднявшись на цыпочках, помахала ему рукой.

В столовой обеды совсем немного людей. Выбрав понравившиеся блюда, коллеги присели за четырехместным столиком у большого окна.

- Куда ты так спешила с утра? – спросил Адам прежде, чем начал есть.

– Вчера в конце дня сообщили, что ко мне направлен пациент, назначено на 9:30. Его карту и историю болезни полноценно изучить не удалось, нужно было утром наверстать, – пытаясь показаться максимально ответственной, сказала Вероника.

Адаму даже стало немного стыдно за утреннее предположение о необходимости накраситься с утра. Хотя, судя по всему, макияж сделать она тоже успела.

Молниеносно справившись с салатом, Адам продолжил:

- Ника, хочу рассказать тебе о своем пациенте и предложить с ним побеседовать.

– С удовольствием послушаю, но только с одним условием, – загадочно сверкнув зелеными глазами, ответила она.

- Каким же?

– Ты слушаешь историю моего нового пациента, того, что приходил ко мне сегодня утром.

- Отлично, считай, договорились.

- Рассказывай, – произнесла Ника и принялась не торопясь есть окрошку.

– Я уже как-то рассказывал тебе о Виталии Гариеве. Это пациент, который все время в джинсовых костюмах ходит, высокий такой, статный, на Альцекситине. Сегодня он рассказал мне о своем сне. Точнее, что перемещается в 2027 год, пока спит, и проводит там целый день. И так каждую ночь. Его рассказ насыщен чрезвычайно реалистичными событиями и деталями. Есть и фантастическая часть его истории. В 2027 году в мире Гариева люди мучаются от слуховых галлюцинаций и чувства тревоги. Групповая депрессия трансконтинентального масштаба. В общем, без тебя мне тут не разобраться. Хочу направить его к тебе на консультацию. Виталий готов встретиться.

– Да у тебя еще цветочки по сравнению с моими ягодками, – посмотрев на Адама широко раскрытыми глазами, сказала Вероника и добавила: – Очень вкусная окрошка.

- Встретишься с Виталием?

– Конечно, могу в пятницу в любое время, – мило прищулив глаза и улыбаясь, ответила Ника.

- Отлично!

– А теперь устраивайся поудобнее, тебя ждет история моего пациента, – слегка наклонившись к Адаму, произнесла Ника. Она говорила очень тихо, создавая атмосферу таинственности.

Глава 4. Знакомство с Николаем

Пациента звали Николай Третьяков, 34 года, диагноз рассеянный склероз (РС) поставлен девять лет назад. С недавних пор наблюдались признаки депрессии. Именно из-за психологического состояния коллеги из Центра рассеянного склероза отправили его проконсультироваться с Вероникой. Жил он недалеко от БРИ на ул. Пушкина, жены и детей не было. Такую информацию доктор получила вчера вечером из электронной выписки. Сегодня утром, придя на работу, Ника ознакомилась с данными о текущем состоянии и анамнезом. РС протекал благоприятно на фоне терапии интерферонами бета. Последнее обострение болезни случилось этой весной. Наблюдалась сильная слабость и онемение в конечностях с правой стороны. После курса нестероидных противовоспалительных препаратов, витаминов группы В, антиоксидантов и сопутствующих поддерживающих препаратов, болезнь, как обычно, вошла в стадию ремиссии и последствия обострения исчезли. Правда, психологическое состояние Николая начало меняться, впервые за время наблюдения, судя по записям прошлых лет.

Он пришел к Веронике в назначенное время. Молодой мужчина, стройного и спортивного телосложения, очень симпатичный, но хмурый. На нем была черная футболка, узкие синие джинсы и коричневые кеды. Глаза спрятаны за стильными солнцезащитными очками. Гладко выбритое лицо с мужественными скулами. Брови, казалось, от природы всегда нахмурены.

– Добрый день, меня зовут Николай, – спокойным голосом произнес вошедший пациент

– Здравствуй, Николай, я Вероника, – искренне теплым и успокаивающим голосом поприветствовала Ника. Она пригласила пациента присесть, указав ладонью на мягкое кресло.

– Спасибо, приятно познакомиться.

Николай снял очки. Глаза оказались карими. Осмотревшись, изучил окружающую обстановку, затем подошел к креслу и разместился в удобном положении, закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди. Кабинет психотерапевта совершенно не ассоциировался с медицинским учреждением. Зайдя туда, вы попадали в мир душевного спокойствия и комфорта. Светло-зеленые обои на стенах, огромный ковер на ламинированном полу, бархатные темно-зеленые шторы, покрытые лаком стол и книжный шкаф из массива дуба, цветы в углах комнаты, велюровая мягкая мебель в теплых тонах. Все как в гостиной хорошего загородного дома, не хватало только камина.

– Вам комфортно? – дружелюбно поинтересовалась гостеприимная хозяйка.

– Вполне, спасибо, – все также спокойно проговорил пациент

– Николай, давайте познакомимся. Я расскажу о себе, потом вы расскажете о себе, – прищурив глаза и улыбаясь, предложила Ника.

Пациент задумался. Помолчав секунд пять, он тоже прищурил глаза, улыбнулся и одобряюще кивнул.

– Мне 34 года, родилась я в Перми, до сих пор здесь и проживаю. С детства увлекаюсь рисованием и психологией. Была замужем, но не сложилось, детишек нет. Наверное, потому, что я всецело отдаюсь работе, и на остальную жизнь меня почти не остается. В выходные и иногда по вечерам, если не поздно возвращаюсь с работы, могу, почувствовав вдохновение, накинуться на мольберт. Иногда весьма недурно получается, – посмотрев куда-то на потолок, говорила Вероника, представляя себе свои последние произведения.

– Какие сюжеты рисуете? – спросил пациент, не скрывая своего интереса

– В основном пейзажи: тлеющий закат, восхождение солнца, бездонное ночное небо, дыхание травы...

– Покажете как-нибудь? – улыбнувшись, застенчиво спросил Николай

– Ах, конечно, как-нибудь похвастаюсь, – ответила Ника и рассмеялась.

– Вы, Вероника, весьма интересная девушка, – серьезным голосом произнес пациент. Девушка неожиданно для себя смутилась, и щеки налились розовым румянцем.

Пациент продолжал:

– Думаю все, что касается моего здоровья, вы уже прочли в истории болезни, поэтому начну с вопроса, в котором сам не могу разобраться, и очень надеюсь на вашу помощь. Знаю о себе, что меня зовут Николай, мне 34 года. У меня есть неприятное хроническое заболевание. Каждый мой день – это день сурка. Пробуждение, пробежка по стадиону, душ, завтрак, работа, обед, снова работа, дом, ужин, сон. В моменты обострений перестают слушаться руки и левая нога, голова, словно чужая, и в шею словно вбивают кол. Когда это случается, приходится много дней проводить в больнице, получать уколы и капельницы. И так целый месяц. До недавнего момента все было хорошо, но последнее обострение нарушило привычный порядок вещей. В начале апреля этого года меня госпитализировали и прописали уже привычный курс лечения. Самочувствие было нормальное, но через несколько дней начались проблемы со сном. Лечащий врач прописал Феназепам. «Выпьете перед сном, препарат снимет беспокойство и поможет уснуть», – говорил лечащий врач.

Ника молча слушала пациента и мысленно соглашалась с назначением коллеги из отделения неврологии.

– Препарат я пил, и проблемы с засыпанием исчезли, но с тех пор мне стали сниться очень странные сны. Самый первый был очень красочный и реалистичный, как, в общем, и все последующие. Мне снилось, что я лежу в маленькой кровати с трёхлетним сыном, зовут его Дима. Рядом на нашей постели лежит моя жена и рукой качает детскую кроватку с дочкой Настей. Реальнее быть просто не может, я слышу тишину комнаты, легкое поскрипывание качающейся кроватки, вижу в темноте очертания сына, чувствую теплое дыхание. «Папа», – шепотом произносит малыш. «Что, Димка?» – шепчу я в ответ.

«А что такое война?» – спрашивает не желающий просто так засыпать ребенок. В тот момент мне кажется, что Дима всегда так, когда надо спать, то в туалет попросится, то попить, то рассказать ему про другие планеты или почему бывает холодно.

«Война – это когда к нам приходят люди, которые желают нам зла, хотят отнять у нас все самое дорогое», – еле слышно отвечаю я, надеясь удовлетворить интерес сына.

«А почему они хотят у нас все отнять?» – продолжает любопытствовать малыш.

«Видимо у них нет чего-то своего, и они хотят силой забрать это у нас», – терпеливо продолжаю я.

«А почему у них нет своего?» – спрашивает Дима.

«Тихо! – раздраженно шепотом выкрикивает мама. – Если вы разбудите мне Настю, я вам обоим покажу, что такое война. Спите уже».

Димка замолкает и через полминуты начинает сладко сопеть. Я перебираюсь на кровать к жене, закрываю глаза и медленно погружаюсь в сон. Уже не слышу звуков, и перед глазами только чернота, но я не вижу сна, просто ощущение полной пустоты, словно меня засосало в бездонное невесомое пространство. Так длиться минут двадцать по ощущениям, пока тишину не нарушает детский плач. Мгновенно вырвавшись из плена дремоты, я открываю глаза и вижу, как Димка, всхлипывая, забирается на нашу кровать.

«Что случилось, малыш?»

«Папа, не умирай, пожалуйста, папа!» – растягивая окончания слов, говорит он.

Я уже привык к темноте и вижу, что слёзы градом льются из его испуганных глаз.

«Все хорошо, сын, папа рядом», – продолжаю я спокойным голосом, хотя от его слов по спине табуном пробегают холодные мурашки.

«Мне приснился плохой сон. Ты умер, приснилось, тебя больше нет, совсем», – всхлипывает малыш и его плач становится все сильнее.

Дочь начинает ворочаться. Жена спит как ни в чем не бывало, словно наелась успокоительного. Мир её снов от нашей реальности отделяет пятиметровая стальная стена, и даже ядерный взрыв не нарушит её покой. Целый день с двумя детьми изматывает не меньше, чем две смены шахтера в угольной шахте.

Я беру сына на руки, уношу в гостиную и сажусь с ним на диван. Обнимая малыша обеими руками и осторожно покачиваясь вперед-назад, еле слышно напеваю колыбельную. Через пару минут Димка снова засыпает. Вернувшись в спальню, я укладываю его на кровать между собой и спящей женой. Сейчас он видит сладкий сон, на маленьком лице замерла улыбка, как будто и не ревел несколько минут назад. Вокруг очень тихо, настолько тихо, что слышно собственные воспоминания, слышно, как плакал несколько минут назад мой сын, слышно, как я успокаивал его колыбельной, слышно, как поскрипывала детская кроватка.

«Папа... не умирай, пожалуйста», – звучит в голове, и сам ужас проводит по моей спине своей холодной костлявой рукой.

Темный потолок и стены комнаты начинают движение, чувствую всем телом, что вокруг меня все вибрирует. Что-то меняется, появляются новые звуки, я пытаюсь открыть глаза, но не могу. Чувствую, как комната, в которой я лежал, и все, кто в ней находился, отдаляются. Пытаюсь пошевелиться, бесполезно. Теперь все становится на свои места, я спал, а сейчас начинаю просыпаться. Глаза, наконец, открываются, и передо мной предстает моя светлая пустая больничная палата. Я лежу в постели один, и рядом нет семьи.

– После этого сна, все изменилось, – продолжил Николай, – стало казаться, что во сне передо мной предстают утраченные воспоминания. У меня была жена и двое детей, а теперь они исчезли, не оставив о себе никаких напоминаний. Я искал дома какие-то документы или фотографии, ничего нет. Принимать Феназепам я сразу перестал, не сообщая врачу.

– В вашей истории болезни указано, что вы холосты, и детей нет, – внимательно считывая реакцию пациента, сказала Ника.

– С тех пор мне постоянно снятся сны про мою семью, – озадаченно произнес Николай.

– Каждую ночь?

– Да, каждую ночь вижу свою семью, – проговорил пациент и тяжело вздохнул.

– Сон один и тот же? – продолжала Вероника.

– Снов очень много, иногда они повторяются, – отвечал он. – Сегодня мне снилось, как дети, схватив скакалку за разные концы, несутся по коридору, изображая поезд. «Ту-туу!» – кричит Димка, а Настёна звонко хохочет, смех отражается от пола и стен и заполняет всю квартиру энергией радости и беззаботности. Все эти эмоции слишком реальные, чтобы быть просто сном.

Рассказывая о своих воспоминаниях, Николай менялся в лице – он был счастлив, а когда он закончил рассказывать, железная маска печали вернулась.

– А что это может быть, по-вашему, Николай, – заглядывая в глаза пациенту, спросила Ника.

– Либо я сошел с ума, либо у меня была семья, но из памяти все исчезло, и никто из друзей и родственников ничего об этом не говорит, – очень серьезно заявил пациент и с утомленным видом откинулся на спинку дивана.

– Есть одна хорошая новость. Вы точно не сошли с ума. Люди с психическими заболеваниями редко признают и не осознают возможность болезни, почти всегда отрицают диагноз.

– Хоть что-то хорошее за день, правда? – Николай пытался пошутить, но его голос превратил шутку в едкий сарказм.

– Приходите ко мне дважды в неделю, в понедельник и в пятницу. Будем вместе разбираться с вашими снами.

– Ни за что не откажусь от такого предложения, Вероника.

– А теперь, если не возражаете, предлагаю поговорить о вашем прошлом, – глядя на пациента, очень мягко произнесла доктор.

– Не возражаю, давайте поговорим.

– Расскажите о своем детстве, о родителях, о друзьях, все что вспомните.

И Николай, попавший в плен голоса сирены-психотерапевта, послушно рассказал о своем прошлом. Обычное детство, мама работала в крупной торговой компании товароведом, папа на заводе, занимающимся разработкой авиадвигателей. Еще брат, старше на 2 года.

Николай был не по годам развит как физически, так и интеллектуально, и учеба давалась ему очень легко. С одноклассниками дружил, но настоящим другом считал только своего родного брата – Сергея. Брат профессионально занимался боксом и уже к старшим классам стал чемпионом России. Они вместе занимались спортом, вместе отдыхали, у них были общие друзья.

После окончания школы он вслед за братом поступил в Политехнический университет на специальность «Промышленное и гражданское строительство» и успешно отучился. Брату учеба давалась сложнее. Даже отказавшись от профессионального спорта, Сергей кое-как окончил университет и, получив диплом, благодаря своим спортивным связям устроился руководителем по продажам кабельной продукции в региональную торговую компанию.

Николай же, будучи студентом, устроился стажером в крупную строительную компанию и после окончания получил хорошую должность. За несколько лет стал руководителем среднего звена. Братья во всем старались помогать друг другу. Родители гордились успехами своих сыновей и с нетерпением ждали внуков. Жизнь набирала обороты.

Посреди рассказа из кармана Николая раздался звонок.

– Прошу прощения. Я отвечу? – из вежливости спросил Николай и поднес телефон к уху, не дожидаясь ответа Вероники. – Слушаю, да.

Из динамика доносился женский голос. Дама беспокойно тараторила, что-то очень важное, судя по выражению лица Николая.

– Когда нужно все это привезти? Понятно, сделаю.

Николай положил телефон в карман и медленно выдохнул.

– Что-то случилось, Николай?

– Бардак и бюрократия случились. Сегодня в Центре, где я нахожусь под наблюдением, состоится какая-то комиссия. До того, как она начнется, мне нужно взять выписку у своего терапевта, сделать копии всех ранее выданных рецептов и проведенных осмотров из карты пациента за последний год и привезти это в Центр.

– Мдаа, придется побегать по кабинетам, – качая головой, произнесла Ника с сочувствием.

– Видимо, на сегодня закончим.

Николай поднялся с кресла и еще раз осмотрелся в кабинете, как будто проверяя, не поменялось ли что-нибудь в обстановке, пока он разговаривал с доктором.

– Николай, я жду вас в пятницу, в это же время.

– Я приду, и мы продолжим, – бодро произнес пациент и улыбнулся, – еще много важного надо вам рассказать. До свидания.

– До встречи, Николай.

Глава 5. Тревоги Адама

Рассказ Вероники так же, как и сон Виталия, глубоко впечатлил Адама. После обеда он ушел в свой кабинет. Изучая истории болезни и аналитику клинических исследований за последнюю неделю, не переставал перематывать у себя в голове события из снов Николая Третьякова и Виталия Гариева. Воображение серьезно разыгралось, и данные в бесконечных таблицах с результатами исследований совершенно не воспринимались. Адам наклонился на спинку кресла и закинул голову назад. За окном уже было темно. На часах «22:55», время пролетело незаметно. Он вызвал такси и начал собирать бумаги со стола в портфель. Внезапно зазвонил рабочий телефон. На дисплее высветилось: «V.Levanova 2335».

«Алло, ты тоже еще на работе?» – подняв трубку, спросил Адам, но никто не ответил.

Видимо звонок сорвался. Положив трубку, Адам секунд десять ждал, что телефон снова подаст сигнал. Телефон молчал. Адам набрал сам 2335. Длинные гудки, никто не берет. Странно.

Такси подъехало к воротам, недалеко от входа в здание БРИ. Уже через пятнадцать минут Адам был дома. Маринэ встретила супруга у входа. Обняла, привстав на цыпочки. На ней была облегающая непрозрачная футболка сиреневого цвета и легкие домашние шорты с цветочным узором.

– Не ложусь, жду тебя. Сколько можно работать? – пытаюсь посердиться, произнесла она.

Адам молча прислонился губами к ее виску и медленно вдохнул. Она совершенно не умела злиться и обижаться. Его жена заслуживала звания одного из самых добрых и понимающих людей на планете. Маринэ была стройной девушкой среднего роста с темными волосами чуть ниже плеч. Восточные черты очень красивого девичьего лица, когда-то пленили Адама, и он влюбился с самой первой секунды. Тогда же и решил, что она будет его женой. Со временем стало ясно, что Маринэ не возражает. Они познакомились, когда Адам учился на четвертом курсе, через два года поженились. И вот не так много лет спустя она обнимала своего супруга в прихожей после тяжелого рабочего дня.

На кухонном столе их ждал ужин. Салат из свежих овощей заправлен оливковым маслом. Белая рыба, приготовленная в духовке, завернута в фольгу. Пахло розмарином. Все очень красиво, вкусно и полезно. Жена Адама была великолепным поваром.

– Очень вкусно, любимая, спасибо, – доев последний кусочек рыбы, поблагодарил удовлетворенный муж.

– На здоровье, мой трудяжка, – нежно улыбаясь, ответила довольная супруга.

– Как твой день прошел? – поинтересовался Адам.

– Отлично! Сегодня к нам заглянул какой-то бизнесмен и купил шесть моих картин. Завтра отправлю часть средств деткам.

Маринэ занималась благотворительностью. Большую часть заработанных денег она отправляла в фонд для детского онкоцентра.

– Супер.

– А тебя я про работу спрашивать не буду, и так допоздна там проторчал, – снова пытаюсь посердиться, произнесла Маринэ, забавно нахмурив брови.

– Ну её, эту работу, – согласился регулярно перерабатывающий супруг.

На часах уже была полночь. Они вместе помыли посуду. Маринэ отправилась в спальню готовиться ко сну. Сегодня она выглядела как-то необычно. Взгляд её был загадочно задумчивым. Адам быстро принял душ и улегся в постель, следом легла и жена. Ночник не давал темноте полностью заполнить пространство спальни, и над кроватью у изголовья оставался островок тусклого света. Они смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Доктор Стоевский просто отдыхал телом и мыслями после долгого рабочего дня.

– Адам, – шепотом произнесла она.

– Что, малыш?

Последовала пауза длиной в минуту. Она смотрела на него, а Адам молча ждал и пытался прочесть ответ в её взгляде.

– Я беременна, – наконец еле слышно прошептала она, нежно улыбнулась, и глаза ее заблестели.

Адам чуть не подпрыгнул на кровати от счастья. Он придвинулся к жене и крепко обнял. Не хотелось отпускать супругу ни на секунду.

– Ура, – произнёс тихонько, не разжимая объятий.

Адам с Маринэ очень давно хотели ребенка. Четыре года назад они решили, что пора обзавестись малышом. Но все оказалось не так просто. После двух лет попыток Маринэ увидела долгожданные две полоски на тесте, но на тринадцатой неделе беременность замерла. Потерю они переживали очень тяжело и полтора года не могли решиться снова попробовать зачать. Несколько месяцев назад попытки были возобновлены, и результат не заставил себя долго ждать.

– Буду беречь тебя, моя малышка. Все будет хорошо, – шепотом произнес Адам.

В ответ Маринэ ничего не сказала, она уже сладко спала. На лице у нее застыла нежная улыбка. Адам не успел узнать срок беременности.

Внутри него, как две бьющиеся насмерть змеи, в объятиях переплетались два чувства – счастье и тревога. Он смотрел на жену и долго не мог уснуть. Тревога одерживала победу, проникала в сознание, и воспоминания возвращали Адама на два года назад.

Тогда ночью он проснулся, жены не было рядом в постели. В ванной комнате шумела вода. Почувствовав неладное, встал с кровати. В этот момент Маринэ спешно вышла из ванной и почти плача попросила: «Адам, вызывай скорую, у меня кровь. Я соберу вещи».

Не говоря ни слова, он схватил свой смартфон и набрал номер скорой помощи. Оба знали, что кровотечение на таком сроке это очень плохо.

– Скорая помощь, что у вас случилось?

– Здравствуйте. Беременная девушка, срок 13 недель, кровотечение.

– Она в сознании?

– Да, – подняв глаза на жену, чтобы убедиться, ответил Адам.

– Фамилия, имя, отчество, сколько полных лет?

– Стоевская Маринэ Азатовна, двадцать шесть лет.

– Адрес?

– Улица Ленина 12, корпус 2, квартира 128.

– Передаю вызов, ждите.

Скорая примчалась минут через десять. Еще через полчаса они оказались в приёмном отделении. Время было примерно два часа ночи. В отделение Адама не пустили, как он ни пытался договориться.

– Езжай домой, Адам, не надо было ехать, – говорила Маринэ как будто бы спокойным голосом.

– Я не смогу уснуть, места себе не найду, пока ты тут одна.

– Все нормально, врачи обо мне позаботятся, – спокойно говорила она, но в глазах читался страх. Наверняка и в глазах Адама она видела то же самое. – Тебе на работу с утра, я позвоню, как что-то будет известно.

– Хорошо, малышка, все будет хорошо, – собравшись, произнес ощущавший собственное бессилие муж. Он ничем не мог помочь, никак не мог защитить свою Маринэ.

Она ушла в палату, Адам вызвал такси и вернулся домой. О сне и речи не шло. Дипломированного врача за ответами на свои вопросы понесло на форумы в интернете. Открыв поисковик, он написал: «Кровотечение 13 недель». Замершая беременность, выкидыш, отслойка

плаценты, инфицирование плода, генетические отклонения. Позитивных новостей почти не было. Среди сотен прочитанных комментариев лишь несколько хоть как-то успокаивали.

В 7 утра пришла эсэмэска от Маринэ: «Взяли кровь. В 9 будут делать УЗИ, сообщу о результате. Я люблю тебя... Мне сказали не кушать. Мне страшно».

В ответ смог написать лишь: «Я люблю тебя очень сильно. Пожалуйста, не переживай. Сейчас главное, не нервничать». Хотелось её как-то успокоить, но нужные слова подобрать не получалось. Чувствуя подавленность и страх, Адам даже представить не мог, каково сейчас Маринэ. Время тянулось очень долго. К девяти утра обеспокоенный Адам поехал на работу. В 9:12 пришла вторая эсэмэска: «Беременность замерла».

Это было как выстрел в сердце. В голове просто не осталось ни одной мысли. В таком состоянии, стоя на краю крыши, наверное, легко сделать шаг в бездну. Адам отпросился с работы и поехал к жене в больницу. Операцию назначили на день. Врачи называют это чисткой. Адам и Маринэ отправились на оформление.

Она держалась очень мужественно, а он старался не отпускать её руку ни на секунду. В очереди сидели еще три пациентки. Одной было лет восемнадцать, одета очень вульгарно. Наверное, она пришла избавляться от последствий какой-то пьяной вечеринки. Другая была женщиной лет пятидесяти. Лицо ее выражало спокойствие. Похоже, она вообще относилась к этому как к посещению стоматолога. «Да неприятно, но сейчас удалим проблемный зуб, и я пойду дальше заниматься своими делами», – говорили её глаза. Скорее всего, она уже вырастила детей и случайно залетела либо от мужа, либо от любовника и тоже пришла разобраться с нелепой случайностью. Третья была похожа на алкоголичку с картой постоянного клиента на аборт. Все три вызывали у Адама чувство отвращения и обиды. Каждая по-своему. Им с Маринэ так долго хочется родить ребенка, но у них не получается. А для сидящих здесь дамочек беременность это проблема, усложнившая им жизнь. Вскоре наступило время операции. Адам, будучи врачом, нашел общий язык и договорился с анестезиологом, чтобы тот сделал жене хорошую анестезию. Чистка делается под общим наркозом, и качество препарата очень важно как для физического, так и для эмоционального восстановления. Когда Маринэ увозили на каталке из палаты в операционную, она уже не могла сдержаться и горько заплакала.

Сердце мужа сжалось от боли, и слёзы наполнили глаза. Он сжал кулаки и сделал глубокий вдох. Нельзя давать волю эмоциям, он же мужчина. Через тридцать долгих минут Маринэ привезли обратно, Адаму разрешили побыть с ней в палате. Очнувшись от наркоза, Маринэ была сильно подавлена и опустошенным взглядом смотрела в окно. Растерянный муж сидел рядом и гладил её руку.

– Хочу пить, – попросила Маринэ.

Адам налил в стакан прохладной воды, проверил, не слишком ли холодная, и поднес к губам жены. Она с трудом приподняла голову и сделала глоток.

– Любимая, я с тобой, мы вместе справимся, – негромко произнёс супруг.

Маринэ повернула голову и посмотрела ему прямо в глаза. Сердце у него дрогнуло.

– Адам, его больше нет, нашего малыша, – она закрыла ладонями лицо и снова заплакала. – Я не знаю, как с этим жить, лучше бы я не проснулась после наркоза.

Большое доброе сердце Маринэ сейчас отказывалось принимать жестокую реальность. Какой бы сильной не была женщина, просто взять и справиться с такой потерей она не сможет. Адам наклонился, прислонился головой к её плечу и тоже заплакал. Он же мужчина, а не камень.

Такие события оставляют отпечаток на всю жизнь. Эти воспоминания давно не приходили к Адаму, но после новости о беременности Маринэ страх, что подобное может повториться, вытащил их из глубин памяти. Он очень надеялся, что супруга не думает об этом. Сейчас ей нельзя было переживать.

Глава 6. Поиски птиц

Виталий лежал с закрытыми глазами. В голове звучала уже привычная мелодия. Долго прислушиваясь, можно было заметить, что звук не монотонный. Мелькали полусекундные паузы, и периодически шипение смягчалось и больше напоминало звук скворчащей на горячей сковородке яичницы. «Снова этот чужой потолок», – открыв глаза, подумал Виталий

На телефоне светилось 16.08.2027 года. «Вчера точно было 15-е число», – подтвердил он самому себе. Сомнений не было. Дни здесь шли, как положено, друг за другом. Виталий ложился спать в настоящем и попадал во сне в следующий день, только одиннадцать лет спустя. Это совсем не было похоже на сновидения. Нужно разобраться, что происходит.

Взяв с тумбочки ингалятор с Альдекситином 2.0, Виталий воспользовался им. Вкус во рту от препарата был невероятно горьким. В горле неприятно вязало. Он встал с постели и подошел к зеркалу. Внешность Гариева почти не изменилась. Все то же лицо добряка с приятной улыбкой и слегка прищуренными глазами. Спустя одиннадцать лет появилась на висках седина, а около глаз – еле заметные морщины. Он потер ладонью щетину на щеке и отправился на кухню.

Виталий достал кашу быстрого приготовления, залил её в пластиковой тарелке кипятком и закрыл пленкой. В кружку кинул три кубика сахара и ложку растворимого кофе. Быстро почистил зубы и умылся, затем минут за пять употребил завтрак. В тумбочке около выхода он нашел документы от автомобиля и ключи с брелоком. На брелоке красовался значок «Форд». Виталий залез в джинсы, накинул джинсовую куртку и вышел на улицу. Во дворе дома он обнаружил свой автомобиль. Это был изрядно потрепанный старый синий Форд Фокус. Засунув руку в карман, Виталий нажал кнопку на брелоке. Машина открылась. Двигатель никак не заводился, стартер лишь капризно щелкал.

Похоже, аккумулятор сел. Неподалеку в кроссовере Hyundai копался сосед.

– Доброго дня. Ты меня не прикуришь? – вежливо поинтересовался Виталий.

– А провода есть? – спросил сосед.

– Есть.

– Сейчас оформим в лучшем виде, – произнес владелец корейца, захлопнул багажник и устремился к водительскому сиденью.

Через пару минут Форд завели. Двигатель энергично гудел, обороты слегка плавали. Виталий поблагодарил соседа за помощь, сел в автомобиль и неторопливо выехал из двора. Не планируя какого-то конкретного маршрута, он поехал на север, подальше от душного города.

«Посмотрим, есть ли птицы за городом», – подумал Гариев.

В голове, как и прежде, звучало расстроенное радио, напоминая Виталию о вчерашнем дожде и незнакомце на аллее. Еще эти объявления о пропавших питомцах. Собаки пропадали, исчезли птицы. Происходило что-то странное.

«Интересно, а есть в этом мире врачи Адам и Вероника?» – подумал он про себя, проезжая мимо огромной рекламной вывески БРИ. Гариев созвонился с сотрудниками. Спустя столько лет один из менеджеров до сих пор работал в цветочном бизнесе Виталия. Дела шли неплохо и абсолютно автономно. Остатки на счетах его порадовали.

Уже через полчаса старенький Форд ехал по загородной трассе. За окном промелькнули последние дома и заправочная станция. Дальше был только лес, густой и могучий. Высокие ели и сосны бросали длинные тени в сторону проезжавших машин, но не дотягивались до дороги. Трасса сначала петляла, но затем простёрлась на несколько километров прямой полосой. Виталий заметил впереди на дороге какие-то темные силуэты. Сбавив скорость и подъехав ближе, он увидел несколько десятков безжизненно лежащих на асфальте птиц. Виталий медленно проехал мимо, постаравшись не раздавить останки пернатых, и снова набрал скорость.

Навстречу ехал синий грузовичок-рефрижератор, неуклюже раскачиваясь. Вдруг из леса резко вылетел огромный ворон и черным камнем врезался на полной скорости в окно грузовичка. Переднее пассажирское стекло разлетелось вдребезги, и на водителя обрушился дождь из осколков и птичьей крови. Тушка ворона отлетела на дорогу.

Инстинктивно водитель крутанул руль сначала влево, затем вернул автомобиль на свою полосу, но прицеп по инерции выскочил прямо перед Фордом. Виталий мгновенно ударил по тормозам и рванул руль вправо, уходя от столкновения. Автомобиль вылетел с дороги в кювет. Машина с грохотом ударилась о насыпь на обочине и начала на скорости рвать кусты и небольшие деревья, теряя скорость. Затем кузов наклонился и старенький Форд, дважды перевернувшись, грохнулся на левый бок и остановился. Скорость была небольшой, и Гариев почти не пострадал, благодаря пристёгнутому ремню безопасности.

От удара из бардачка вылетело содержимое. По всему салону разлетелись документы. Шоколадно-злаковый батончик лежал прямо перед глазами Виталия. «Как раз то, что мне сейчас нужно», – угрюмо произнес он.

Виталий открыл батончик и откусил. Тело осталось невредимым, лишь разбил нижнюю губу. Мысли были ясны как день. Он жевал и думал: «А что произойдет, если я погибну в этом мире? В том времени, откуда я, меня тоже не станет?».

Погрузиться в глубокие философствования на тему бытия не получилось. Покой Виталия нарушил водитель грузовичка, невольный виновник происшествия. Он подбежал к Форду и закричал: «Вы меня слышите, кто в машине?»

– Я в машине, а кто говорит? – пожевывая батончик, спокойно ответил Виталий.

– Водитель грузовика. Меня Сергей зовут. Сергей Третьяков. Держись крепче! – задыхаясь от пробежки, спотыкаясь на каждом слове, сказал поспешивший на помощь крепкий мужчина лет сорока пяти. В правой руке у него была испачканная кровью тряпка, на щеке и шее следы вытертой крови. Он навалился на Форд со стороны крыши, и через несколько секунд автомобиль стоял на четырех колесах. Сергей открыл дверь и увидел странную картину. Виталий сидел усыпанный осколками стекла и неспешно жевал свой батончик, глядя вперед.

– Это ты вылетел мне навстречу? – посмотрев на водителя грузовичка, спросил Гариев с невозмутимым выражением лица.

– Да...эээ... этот ворон... – заикаясь, начал оправдываться Сергей. Кровь прилила к лицу, и оно стало багрово красным.

– Да все нормально, все живы. А железо, его можно выправить, – дожевав, спокойным тоном произнес Виталий.

Сергей помог ему выбраться из машины. Вместе они поднялись на дорогу и направились в грузовичок. Виталий представился и согласился выпить чаю. В термосе у Сергея был заварен черный чай с лимоном и сахаром. Именно у заваренного в термосе чая какой-то особый вкус, Гариеву он очень нравился.

В кабине оказалось очень комфортно. Рефрижератор Nipo внутри выглядел гораздо больше, чем снаружи. Ох уж эти японцы, умеют делать автомобили, ничего не скажешь.

– Я езжу тут каждый день, утром в город, вечером из города, – рассказывал Сергей, – сегодня заметил по дороге много мертвых птиц.

– А раньше здесь было много живых птиц? – заинтересовался Виталий.

– Еще вчера в округе было очень много воронов. Здесь неподалеку свалка. Они беспокойно перелетали с дерева на дерево и очень громко каркали, слушал их крики половину пути.

– В городе вообще птиц не осталось.

– Я тоже обратил внимание. Мне кажется, кто-то охотится на них. В нашем городке ходят слухи, что какие-то сатанисты убивают животных и птиц. Вороны же злопамятные. Вот один из них и решил отомстить человеку.

– А может животные тоже сходят с ума от этого шипения в голове, – размышляя вслух, произнес Виталий.

– Ты тоже слышишь шипение? – спросил Сергей и, переведя взгляд в окно продолжил. – Думаешь, и птицы это слышат?

– Не знаю, друг, но мне уже хочется как тому ворону, разбежаться и удариться головой обо что-нибудь твердое. Может тогда по радио заиграет музыка.

– Еще как заиграет. Похоронный марш, – шутливо подметил Сергей. Собеседники переглянулись и засмеялись.

Виталий решил не оформлять дорожно-транспортное происшествие. Он вызвал службу эвакуации, чтобы машину достали из кювета и отвезли в автосервис. Спустя несколько часов потрёпанный Форд вытянули на дорогу, погрузили на эвакуатор и увезли. Сергей заклеил пленкой разбитое птицей боковое окно и предложил Гариеву подбросить его до дома.

– Все равно сегодня уже не поработать, – раздосадовано сказал водитель грузовичка.

Всю дорогу они оживленно общались, как будто дружили уже очень давно. Сергей оказался весьма интересным собеседником. Он жил в области со своей женой, детей у них не было. Работал сам на себя. Сергей рассказал, что раньше возглавлял департамент продаж в одном крупном холдинге. Несколько лет назад компанию, в которой он работал, начали банкротить. Сергею выплатили хорошие отступные. Он купил недвижимость, несколько грузовиков и организовал свой бизнес. Однако очень скоро его вытеснили конкуренты. Продав почти все активы, Сергей оставил себе грузовик Нипо и начал сам возить заказы из области в город и обратно. За время работы водителем накопилось много увлекательных историй. Сегодня произошла еще одна, и она оставит небольшой шрам на его щеке. Выглядел Сергей простым и добродушным человеком.

– Ты извини меня, Виталий, что так вышло.

– Серёж, да хватит уже извиняться, – улыбаясь, ответил Гариев, – в конце концов, это на тебя напал ворон. Вся щека в порезах. У меня только губа разбита.

– И Форд вдребезги, – совсем угрюмо произнес Сергей.

– У тебя, похоже, стакан скорее наполовину пуст, – сказал Виталий.

– Что? – недоумевая, воскликнул водитель и посмотрел в стакан, где недавно был чай.

– Пессимист ты, говорю, Серёжа, пессимист.

Солнце уже скатилось за серые многоэтажки, когда синий грузовичок подъехал к дому Гариева. Сергей остановился около нужного подъезда, поднял рычаг ручного тормоза и повернулся к Виталию.

– Рад был познакомиться, – искренне произнес Сергей и протянул руку своему пассажиру.

– Взаимно. Порой очень приятные знакомства происходят в не самых приятных обстоятельствах, – крепко пожав руку и улыбнувшись, сказал Виталий.

– В паре кварталов от тебя живет мой брат. Пожалуй, заеду к нему навестить, раз уж рядом оказался.

Они обменялись телефонами и попрощались. Пассажир вышел из автомобиля и направился к подъезду. Грузовичок осторожно выехал из двора и исчез за поворотом.

Гариев зашел в свою квартиру, в ней было очень душно. Виталий открыл окно на кухне и налил себе стакан минеральной воды. На улице уже стемнело. Поужинав, он сел в кресло, воспользовался ингалятором с Альцекситином 2.0 и прислушался к шипению в голове.

Закрыв глаза, Виталий представил себе бушующий где-то неподалеку океан во время шторма. Он стоял в густых зарослях тропических деревьев и цветов, а сквозь них пробивался шум большой воды. Виталию захотелось посмотреть, и он начал продвигаться сквозь преграды, перешагивая через кусты и пролезая под извилистыми ветками, пока не оказался на пляже. До воды было всего метров десять. Гариев сделал еще несколько шагов к океану, остановился и

опустился на колени. Волны со свистом поднимались на несколько метров и с грохотом падали на берег. От удара камни с песком и мелкими ракушками разлетались в стороны. Он стоял на коленях и молча смотрел на неуправляемую стихию.

«Рааар!» – вдруг раздалось за спиной Виталия. Он вздрогнул, медленно обернулся и увидел мертвого ворона, лежавшего на песке. Печаль тяжелой чугунной цепью сковала душу, и захотелось заплакать. Гариев поднялся на ноги, подошел к мертвой птице и взял её в руки. Ворон был холодный, как камень. Виталий направился к воде. Чем ближе он подходил, тем спокойнее становились волны. Зайдя в воду по щиколотку, Гариев наклонился и положил свою ношу на поверхность воды. Океан был очень теплый. Вода медленно потянула тело ворона в сторону горизонта, и через несколько минут птица исчезла из вида.

Гариев крепко спал, сидя в своем кресле, перед выключенным телевизором.

Глава 7. Стойкая Маринэ

Маринэ проснулась в темном прохладном помещении – в больничной палате. Девушка была укрыта теплым одеялом и крепко прижимала к себе своего младенца.

«Стоевская, к главврачу на осмотр», – раздался громкий металлический голос, скорее женский.

Молодая мама осторожно вылезла из-под одеяла, взяла малыша, надела мягкие тапочки и вышла из своей палаты. В коридоре было светло и тихо. Она чувствовала себя в безопасности.

«Осмотр должны проходить все пациентки до девяти часов утра», – откуда-то снова донесся голос металлической женщины.

Голос сильно раздражал. Младенец ерзал в руках у Маринэ и кричал.

«Стоевская, срочно проследуйте к главврачу!» – лязгнуло где-то совсем рядом.

Молодая мать подошла к лифту и нажала кнопку вызова. Двери открылись, и она зашла в кабину. На панели была только одна кнопка «Главврач». Маринэ нажала на неё, двери закрылись, и лифт пришел в движение. Прибыв на нужный этаж, девушка с малышом вышла в плохо освещенный коридор. На этом этаже она чувствовала себя тревожно.

«Стоевская, главврач ждет на осмотр», – проговорила еще раз металлическая женщина.

В конце коридора находился белая дверь, а вдоль стен стояли молодые девушки. У некоторых на руках были младенцы. На кого Маринэ ни смотрела, никто не отвечал ей взглядом. Девушки стояли с совершенно пустыми глазами и не произносили ни слова. Маринэ подошла к белой двери и вошла в кабинет главврача.

В помещении ее ждали пять человек, их лиц было не разглядеть. Яркий свет ослеплял девушку.

– Садитесь в кресло, вы очень сильно опоздали, – строго произнесла металлическая женщина. Это была медсестра. Она стояла около кресла и рукой указывала на него.

– Хорошо, – волнуясь, произнесла Маринэ.

– Положите ребенка на стол для пеленания, мне необходимо его осмотреть, – попросил мужчина, похоже, главврач.

Фигура в светлом халате приблизилась к маме с младенцем и наклонилась так, что стало возможно ее разглядеть. Это была милая девушка со светлыми волосами, крохотным носом и миниатюрными губами. Легкий румянец украшал её щеки.

– Не беспокойтесь, все будет хорошо, я не обижу вашего драгоценного малыша, – мягким голосом произнесла она и осторожно взяла ребенка из рук матери.

Младенца положили на стол для пеленания, и главврач подошел к нему.

– Та-ак, посмотрим. Девочка! – сказал он и посмотрел на маму.

Маринэ заулыбалась.

– А почему так рано достали? – озадаченно спросил главврач.

– Сама вышла, никто не доставал, – ответила женщина с металлическим голосом.

Доктор поднял голову вверх и мысленно что-то посчитал.

– Безопаснее для здоровья ребенка будет вернуть девочку обратно еще на пару недель, – заключил доктор.

– Куда вернуть? – спросила Маринэ. Она была обеспокоена странными рекомендациями доктора.

– Обратно в матку, – холодно лязгнуло в ответ голос медсестры.

– Как можно вернуть, она уже родилась? – занервничала мама. – Она же дышит и кушает. Главврач попытался объяснить ситуацию.

– Вы родили рано, ребенок не в безопасности сейчас, будет лучше если...

– Да что это за чушь? Как можно вернуть родившегося ребенка обратно? – в недоумении воскликнула Маринэ.

– Тогда пишите отказ, – вмешалась медсестра, – у нас с вами сюсюкаться времени нет.

– Подумайте хорошо, могут быть негативные последствия для ребенка, – мягко, но очень серьезно произнесла белокурая девушка в халате.

– Я напишу отказ, дайте мне бумагу, – потребовала возмущенная мама.

Закончив, Маринэ взяла дочку на руки и вышла из кабинета главврача, не говоря больше ни слова.

В коридоре оставалось еще несколько девушек с младенцами на руках. Одна стояла ближе всех к Маринэ. На ней была длинная ночная рубашка серого цвета с трудноразличимым рисунком. Девушка посмотрела на Маринэ.

– Извините, можно задать личный вопрос?

– Да, спрашивайте.

– Вы написали отказ? – вопрос прозвучал неуверенно.

В этот момент другие мамочки, стоявшие в коридоре, посмотрели на Маринэ с удивлением и даже осуждением.

– Да, я отказалась.

Девушка в серой ночной рубашке изменилась в лице. Глаза оживились, а на лице появилась лёгкая улыбка.

– Спасибо вам, я тоже напишу отказ, – сказала она и смело зашла в кабинет.

Маринэ спустилась на лифте и вернулась в свою палату, положила ребенка на кровать, взяла телефон и набрала номер Адама.

– Да, любимая, – услышала она.

– Адам, привет. Я хочу домой.

– Сегодня буду работать допоздна, смогу приехать за тобой только ближе к полуночи.

– Ну заberi нас пораньше, потом уедешь обратно на работу.

– Нас? Кого нас? – удивленно спросил Адам.

– Меня и нашу дочку.

– Ты родила уже? Уже родила? Дочка? – радостно, почти прокричал в телефон счастливый отец.

– Приезжай, а то все пропустишь с этой своей работой.

– Маринэ, я так счастлив, Маринэ!

– Ну, во сколько ты будешь? – настойчиво спросила она мужа.

– Маринэ, Маринэээ...

– Что?

– Маринэээ... – откуда-то издаleка звучал его голос.

Она хотела спросить, что он заладил, зачем повторяет её имя, но не получилось произнести ни звука. Все вокруг начало темнеть, а голос Адама становился все яснее и ближе.

– Маринэ, Маринэ, просыпайся, дорогая.

Она открыла глаза дома, на своей кровати. Теплое одеяло, заботливый муж рядом, тишина. Что еще нужно для хорошего настроения с утра? Разве что стакан свежего апельсинового сока.

– Адам, доброе утро, – протянула она, потягиваясь в постели. – Я хочу апельсиновый сок.

– Будет сделано, босс. Точнее мисс, точнее миссис. Короче, сейчас принесу, – убегая на кухню, проговорил муж.

Оставшись одна, Маринэ вспомнила, как обнимала свою малышку во сне. Ощущения были такими реальными. Она положила руку на живот, и показалось, что изнутри в ответ пощекотали. Маринэ чувствовала себя в безопасности. Маленький человечек внутри неё тоже был в самом надежном месте, у мамы под сердцем.

Адам зашел в комнату с двумя стаканами сока и сел рядом с женой.

– О чем мечтаешь, малышка?

– Мне снилось, что у нас дочка, – улыбаясь, сказала она.

– Здорово.

– А в целом такой дурацкий сон был. Какая-то мрачная больница, медсестра со странным голосом. Предлагали мне ребенка обратно засунуть, потому что родилась раньше, – Маринэ звонко засмеялась.

Адам молча смотрел на свою жену и старался улыбаться, а в голове снова зашевелились воспоминания о неудачной беременности в прошлом.

– Ну, ты чего такой серьезный, мужчина? – она продолжала смеяться и игриво толкнула его плечом.

– Эй! – сказал Адам и широко улыбнулся. – Какой я тебе мужчина?

– Самый лучший мужчина на свете, мой котейка. Мне так спокойно с тобой, ты самый хороший, – Маринэ обняла мужа и закрыла глаза.

На часах было шесть утра. Адам проснулся очень рано. Обычно он еще спал, когда Маринэ уходила на работу, но сегодня глаза открылись, как только начало светать.

Наверняка накрутил себя дурными воспоминаниями и нарушил сон.

Супруги вместе позавтракали, после чего Маринэ начала собираться на работу.

Когда они переехали в Пермь, Маринэ на какой-то художественной выставке познакомилась с девушкой. Звали её Олеся. Вместе с мужем-музыкантом они владели необычным магазином: в нем продавались картины, книги, музыкальные инструменты, всякие неординарные безделушки. Часть средств от продаж направляли на благотворительность. При этом очень хорошо зарабатывали, и среди постоянных клиентов было достаточно много влиятельных людей. Маринэ сразу понравилась Олеся своей добротой и веселым характером. А увидев её работы, хозяйка, не задумываясь, пригласила новую знакомую работать в магазине и выставлять картины на продажу.

Жена зашла на кухню, где сидел Адам. В руках она держала холст на раме с новым произведением искусства.

– Посмотри, как тебе? Она называется «Не один».

На картине была изображена саванна, небольшое озеро слева. Рядом с озером покосившееся дерево с массивными ветками, а около него жирафёнок, обнявший шеей наклонившийся ствол. Дерево как будто принимало объятия детеныша и прижимало его к себе.

– Давно хотел спросить. Ты очень веселая и позитивная, а сюжеты всегда такие печальные, – вглядываясь в картину, задумчиво сказал Адам.

– Ты смотришь сердцем, отсюда и печаль, – оживленно заговорила Маринэ. – Ты видишь одинокого жирафа, который остался без семьи. Но если ты посмотришь его глазами, то он вовсе не одинок. У него есть озеро, чтобы утолить жажду и дерево, которое накормит его и согреет в объятиях. Печаль на картине была бы другой. Густые тучи, мертвое дерево и жираф, лежащий без сил около иссыхающей лужи.

– Уныние и боль уже какие-то получаются, а не печаль, – улыбаясь, сказал Адам, посмотрев на свою художницу.

– Твои бесчисленные отчеты и исследования – вот это уныние и боль.

– Наука тоже в какой-то мере творчество. Ты орудуешь кистью, а я мозгами, – произнес он со всей серьезностью дипломированного специалиста в области медицины.

– А я, значит, кистью без мозгов творю? – сказала Маринэ и засмеялась.

– Крутой сюжет, равнодушным не оставляет, – все так же серьезно сказал Адам.

– Спасибо, котик, – супруга отправила воздушный поцелуй и убежала в прихожую одеваться.

– Сбавляй обороты, любимая. Надо приучаться беречь себя, у тебя внутри растет человек, – заботливо заворчал он.

– Хорошо. Я убежала.

– Пока-пока.

Адам еще около часа читал научный журнал, затем собрался на работу и вышел из дома. Автобус, как обычно, пришел быстро. По дороге будущий отец придумывал имя своей дочке. «Анфиса, Кристина, Милана, – перебирал он в голове, обращаясь к самому себе, – может Ева. Отец Адам, а дочь Ева. Дурак что ли?».

Маринэ тем временем уже сидела с чашкой утреннего кофе и болтала с Олесей.

– Ребеночек – это так здорово, – умилялась Леся.

– Конечно, мы так давно хотим малыша. Я так хочу стать мамой, увидеть свою малютку. Мне снилось сегодня, что у нас родилась девочка.

– Во снах обычно все наоборот. Значит, мальчик будет, – уверенно заявила подруга.

– Нееет, – протянула Маринэ, – мне кажется, дочка будет. А вообще кто бы ни был, мы будем рады одинаково.

– А вдруг двойня, – предположила Леся и посмотрела на беременную подругу широко раскрытыми глазами.

– Значит, вдвойне будем счастливы, – сказала будущая мама и захихикала.

Олеся улыбнулась. Ей становилось тепло от одного взгляда Маринэ, ведь в этом взгляде читалась доброта и искренность.

После кофе девушки приступили к работе в магазине. Покупатели начали заходить уже с самого утра.

Добравшись до офиса, Адам тоже погрузился в работу. Был обычный день, ничего особенного. Только мысли о будущем ребенке наполняли его каким-то существенным смыслом. Будущий папа решил, что никому не будет рассказывать о беременности жены. Суеверия не давали ему покоя.

Глава 8. Незнакомец из будущего

Наступила пятница, рабочий день в БРИ только начался. В назначенное время дверь в кабинет Вероники открылась.

– Здравствуйте, Николай, – поприветствовала пациента Ника. Она уже ждала его, сидя в кресле, и жестом пригласила присесть.

Николай поздоровался, осмотрелся, затем подошел и уселся в кресло, положив ногу на ногу, как он любит. Молодая женщина-психотерапевт достала картину и поставила себе на колени. Несколько секунд тишины. Пациент молча изучал картину, а врач наблюдала за его реакцией.

– Ух ты, вы не забыли! Это бездонная ночь? – вдруг произнес пациент.

– Южное ночное небо, – ответила Ника, – но ваш вариант, по-моему, лучше звучит.

На картине было изображено небо, усыпанное звездами и темное море под ним. Выглядело действительно очень реалистично. Яркие точки на темном полотне как будто мерцали. Лунная дорожка на море соединяла небо и воду на горизонте. Выполнено было на редкость профессионально.

– Вероника, не побоюсь этого слова, это просто шедевр, – совершенно искренне сказал Николай.

Он и вправду не ожидал, что психотерапевт сможет показать настолько мастерски написанную картину.

– Да это же Айвазовский, известный маринист. Репродукция, – подмигнув, шепнула Вероника.

– Так это не Вы нарисовали? – расстроился пациент.

– Шучу! Конечно, я нарисовала, – успокоила талантливая художница в медицинском халате и улыбнулась.

– Это, правда, необыкновенно красиво. Гражданину Гайвазяну было бы чему у вас поучиться, – шутливо заявил Николай.

– Ахахаха, – засмеялась молодая художница. Веронике очень льстили слова пациента. – К сожалению, не многие оценивают мой талант.

Вероника действительно хорошо рисовала, но коллеги относились к её произведениям без особого интереса. Она даже как-то показывала несколько своих картин Адаму, но тот лишь бросил в ответ что-то вроде: «Ммм, качественно». При этом он по полчаса мог рассказывать за обедом об очередной картине своей жены, в деталях описывая глубокий смысл её произведений. Ника же не могла похвастаться какой-то уникальной идеей, спрятанной в глубине сюжета. Она просто очень красиво рисовала. Compliments Николая её творческим способностям были заслуженными.

– Я действительно под впечатлением, – вновь произнес пациент.

– После подобной оценки хочется показывать вам свои картины еще и еще, – оживилась Вероника.

Каждому творческому человеку хочется признания его таланта. Даже если этот талант ничем не примечателен для большинства. Каждый автор верит, что где-то есть тот, кто оценит его труды по-настоящему. И тогда творчество обретет свой законченный истинный смысл – не только сказать, но и быть услышанным. Вероника сидела напротив человека, который почувствовал её творчество.

Она улыбалась и, немного смущаясь, смотрела в глаза своего пациента. Николай прервал тишину.

– Наверное, надо перейти к делу, а то время идет очень быстро.

– Вы простите, Николай, просто меня давно никто не хвалил. Растягиваю удовольствие этого момента, – с легкой грустью в голосе произнесла художница и опустила глаза.

– В следующий раз приносите еще одну картину. Уверен, поводов для похвалы будет не меньше.

Доктор подняла глаза. Улыбка вернулась на лицо. Ника кивнула. Больше часа они обсуждали сны Николая. Явных признаков психических расстройств в поведении пациента не наблюдалось. Даже наоборот, Николай казался более чем адекватным и рассудительным человеком и, периодически прерывая рассказ, он взывал к логике и подвергал сомнению связь сновидений со своим прошлым. Сны были на удивление подробными, и все детали в них сходились. Вероника делала заметки в своей записной книге. Прием прошел быстро, Вероника подвела итоги сегодняшнего визита и условилась встретиться с Николаем через неделю. Пациент поблагодарил доктора, медленно встал с кресла и подошел к двери

– Всего доброго, Вероника.

– Спасибо за позитивное начало дня, Николай. До встречи.

Ника искренне улыбнулась. Пациент вышел из кабинета и за дверью столкнулся с крепким мужчиной.

– Аккуратней, друг, – произнес высокий и статный незнакомец в джинсовом костюме. Это был Виталий Гариев.

– Прошу прощения, – виновато посмотрев на Виталия, произнес Николай.

Гариев взглянул на собеседника, кивнул в ответ на извинения и зашел к Веронике в кабинет. Лицо оставшегося за дверью мужчины показалось ему очень знакомым.

– Добрый день. Виталий? – оживленно произнесла Ника, увидев Гариева. Он всегда нравился девушкам с первого взгляда, и Вероника не стала исключением.

– Приветствую. Да, это я, – ответил Гариев.

– Присаживайтесь в кресло, будем знакомиться, – пригласила доктор.

Вероника очень хорошо чувствовала людей. Ей достаточно было несколько секунд посмотреть на человека, на его жесты, движения, мимику, чтобы подобрать нужный тембр голоса, правильные слова и расположить к себе. Дар эмпатии от бога и сильный эмоциональный интеллект. Такой Вероника была для своих коллег и знакомых.

Виталий сел в кресло и положил руки на колени.

– Очень уютно у вас тут, – произнес пациент.

– Приятно, что вам нравится. Меня зовут Вероника, – сказала доктор и протянула Виталию руку, нежно улыбаясь.

Виталий осторожно пожал миниатюрную ладонь девушки.

– Приятно познакомиться, Вероника.

– Мне не удалось найти вашу историю болезни в регистратуре центра.

– Думаю, все документы у Адама. Мне кажется, он изучает их ежедневно, – слегка улыбаясь, произнес Гариев.

– Тогда в рамках нашей первой встречи предлагаю вам рассказать о себе все, что считаете важным.

И Виталий начал свою долгую и наполненную загадками историю. Рассказал Веронике про будущее из своих снов, про шум в голове, про исчезнувших собак и птиц. И вот он добрался до момента про странного незнакомца с аллеи. Гариев припомнил его лицо и замолчал.

– Виталий, все в порядке? – осторожно спросила доктор.

– Вероника, а как звали пациента, который был у вас передо мной?

– Николай. Надеюсь, врачебную тайну я не разболтала, – сказала Ника и засмеялась.

Виталий не отреагировал на смех доктора. Он сидел, не произнося ни слова и, задумавшись, продолжал смотреть на Веронику. Она даже смутилась, да так, что щеки стали ярко красными.

– Мне кажется, Николай был в моем сне, – вдруг произнес пациент.

Секунд десять в кабинете психоаналитика стояла тишина. Виталий продолжал смотреть на смущенную Веронику, а она пыталась собраться с мыслями.

– Точно. Надо спросить у него имя. Как проснусь, сразу на аллею, – Гариев говорил сам с собой, но после обратился к доктору. – Прошу меня извинить, Вероника, мне надо идти.

– Х...хорошо, – с трудом выдавила из себя Ника, не понимающая, что вообще происходит.

Гариев встал с кресла и подошел к выходу.

– Спасибо вам! – произнес он, обернувшись, и вышел.

– П...пожалуйста, – ответила Ника в закрывшуюся дверь. Она растерялась. За всю ее профессиональную жизнь это был самый странный визит пациента.

История Виталия очень заинтересовала Веронику. Она была раздосадована, что полноценно пообщаться и погрузиться в проблемы пациента не удалось. Работу психоаналитика нельзя назвать скучной и однообразной, но ситуация Гариева казалась чем-то уникальным. Нике очень сильно хотелось пропустить мир Виталия через свое сознание. А еще он безумно понравился ей как мужчина.

До приема следующего пациента было пару часов. Вероника пошла в кабинет Адама.

– Привет! – приоткрыв дверь и, заглянув в кабинет, произнесла она.

Адам сидел за столом, глубоко погрузившись в раздумья.

– Привет, привет, – озабоченно произнес он, не отрывая глаз от документов.

– Ты чего не весел?

– Да так, обыденная депрессия кабинетного генеза.

– Хочешь поговорить об этом? – вполне серьезно спросила Ника.

– Вероника, ты по какому-то вопросу?

– Вот думаю, может быть и тебе нужна консультация.

– Ника, давай к делу, – еле сдерживая раздражение, попросил Адам. Вероника очень хорошо чувствовала не только своих пациентов и могла изредка пощекотать нервы самым близким коллегам. Этакий невинный психоэмоциональный дружеский садизм.

– Ладно, не сердись, – заботливым голосом сказала она. – Мне нужна история болезни Гариева.

– Точно, вы же сегодня встречались. Как прошло?

– Как тебе сказать... быстро и безрезультатно.

– А поподробнее? – заинтересовался Адам и посмотрел на Веронику.

– Все начиналось нормально. Он пришел, мы познакомились. Виталий начал рассказывать о своих снах, потом спросил, как зовут пациента, который был у меня перед ним. Я сказала ему имя, это Николай. После этого, Гариев что-то пробормотал, сказал, что Николай был в его снах, попрощался и ушел. Я ничего даже понять не успела.

– У меня он будет в понедельник. Спрошу, что именно случилось.

– Поговори с ним. Мне бы хотелось пообщаться еще раз. Я пыталась найти его историю в регистратуре, не удалось. Она у тебя?

– Думаю где-то здесь, – Адам кивнул на свой рабочий стол. Бумаги, документы, отчеты, истории болезни. Чтобы прибраться на этом столе, понадобился бы целый день.

Вероника пробежалась взглядом по столу. Увидев нужный документ, она ловко вытащила его из завалов.

– Мда... Как ты работаешь в таком беспорядке?

– Главное, что голова в порядке, – улыбнувшись, ответил Адам.

– Ну ладно, не буду отвлекать, до встречи.

– Пока-пока, – протянул Адам.

Вероника вернулась в свой кабинет и продолжила работать. Она и заметить не успела, как солнце начало опускаться за горизонт, раскрашивая облака алыми красками.

Ни энергии, ни эмоций к концу дня совсем не оставалось. Все до единой капли было потрачено на работе. Чтобы хорошо понять своих пациентов, Вероника пропускала все их переживания через себя. Каждый день она по несколько раз проживала самые сложные жизненные ситуации на своих приёмах. Несмотря на это, весь день в БРИ Вероника была переполнена жизненной энергией и мило улыбалась коллегам. Для окружающих она являлась средоточием тепла и хорошего настроения. Сегодня же она устала как никогда. Только охранник на проходной, привыкший получать от Ники теплую улыбку на прощание, почувствовал, что она не в себе. Вероника, не глядя в глаза, устало попрощалась и неспешно прошла через турникет. Выйдя с работы, она направилась к ближайшему магазину. Пребывая глубоко в своих мыслях, Ника машинально складывала продукты в корзину. Окружающий мир ей в этот момент был чужд.

Добравшись домой, Ника первым делом сняла всю одежду и накинула легкий халат на голое тело. Затем разобрала покупки, достала бокал, наполнила его белым мускатным вином и добавила кубик льда. В гостиной её ждал мольберт. Вооруженная кистью Ника, попивая вино, продолжила писать начатую несколько дней назад картину. У произведения еще не было названия. Художница уверенными мазками заполняла пустоты на холсте. В один момент кисть замерла. Вероника немного отклонилась от мольберта и представила, как будет выглядеть результат её вечерних трудов. Вдруг ей вспомнился разговор.

«— Адам, смотри, что у меня получилось.

— Что это?

— Моя картина.

— Сама нарисовала? Молодец. А что она означает?

— Ничего, могучие горы, густой лес после дождя и красивый закат.

— Качественно. У меня жена тоже рисует. Только у нее сюжеты с глубоким смыслом. Порой без объяснений мне и непонятно, о чем картина. Последняя была о жестокости людей к животным. Аж мурашки бегали по телу, когда она рассказывала.

— Ну, я — любитель, не профессионал.

— Настоящие художники умеют заворочить. Но у тебя отлично получилось для непрофессионала.

— Тебе действительно нравится или для приличия говоришь эти неуклюжие комплименты.

— Нравится, конечно. Для психоаналитика очень даже неплохо.

— Но совсем не то, что у Маринэ, да?

— Ну да, она же талантливый художник, а ты все-таки в первую очередь специалист другой сферы.

— Ну, спасибо за честность.

— Ника, ты чего?

— Ничего.

— Ты вообще не воспринимаешь объективную критику. Я же не виноват, что неплохо разбираюсь в художественном искусстве и не могу врать, что ты сотворила шедевр».

— Да хватит! — громко воскликнула Вероника и ударила кулаком по раме мольберта. От удара холст пошатнулся. Ника, очнувшись от воспоминаний, рефлекторно схватила картину, а бокал вина выскочил из руки, со звоном ударился об пол и разлетелся вдребезги. Вероника закрыла ладонями лицо и заплакала. Так происходило по вечерам после тяжелых дней. Накопленный за рабочий день негатив вырывался наружу. Такой слабой и ранимой Нику никто и никогда не видел. Такой её знали только мольберт, лёгкий халат и бутылка вина.

Вероника сделала глубокий вдох, закрыла глаза, и в воображении мелькнуло лицо Николая. “Я действительно под впечатлением. В следующий раз приносите еще одну картину”, – его голос прозвучал в голове. Теперь уже отчетливо Веронике представилось улыбающееся лицо пациента. Он подмигнул ей и исчез. Вместе с ним испарилась и тоска. Вероника улыбнулась, снова взяла кисть и, покусывая нижнюю губу, продолжила творить.

В это же время, в сером многоэтажном доме, в своей спальне на кровати лежал Виталий Гариев. Он закрыл глаза и пытался заснуть. Свет во всех комнатах был выключен.

“Шестьдесят восемь, шестьдесят девять, семьдесят”, – считал про себя он.

Вдруг во двор дома въехала машина. Музыка с внушительными басами грохотала с такой силой, что окна на первых этажах ближайших многоэтажек задребезжали. Автомобиль припарковался недалеко от подъезда Виталия. Громкость музыки убавили. Из машины выбрались четверо парней. Все, в том числе и водитель, были очень пьяны. Они решили продолжить свое веселье прямо на лавочке около дома. Выпившая компания создавала очень много шума. Парни смеялись, матерились и азартно спорили о чем-то. Уснуть было просто невозможно.

Виталий встал с постели, подошел к окну, открыл его и, найдя глазами лавку с источником раздражающего шума, вполне вежливо выкрикнул:

–

Ребята, вечеринку прекращайте, люди уже спать легли!

Реакции не последовало.

–

Громкость убавьте, люди спят! – очень громко крикнул Виталий.

Веселая компания замолчала на несколько секунд. Все четверо глазами искали окно, из которого к ним обращаются.

–

Ты че орешь, обезьяна? У друга сына родился, мы отмечаем! – завопил самый высокий парень из компании. Он первым увидел Гарева.

Виталий молча закрыл окно и пошел одеваться.

–

Спать ему помешали. Зато ноги не переломаны. Ты забейся под кровать и сиди там, – продолжал горланить раздухарившийся парень.

Виталий оделся и направился на улицу. Выйдя во двор, он уверенными шагами направился к отдыхающим. В шумной компании по-прежнему громко матерились и спорили. На улице уже стемнело, и никто из нарушителей спокойствия не заметил, как подошел Гариев.

– Добрый вечер, ребята. – Виталий протянул руку самому крепкому из компании.

– Добры... – начал говорить тот, что принял рукопожатие, но у него перехватило дыхание от боли. Виталий с невероятной силой сдвинул ему ладонь, затем отпустил и протянул руку тому высокому, что кричал в ответ несколько минут назад. Это был очень худой парень, с наглым и неприятным лицом.

– Здравствуй... – попытался поздороваться худощавый, но от боли голос захрипел, а через секунду и вовсе пропал.

– Мне показалось, или кто-то назвал меня обезьяной, когда я вежливо просил вести себя потише? – сказал Виталий и ослабил рукопожатие, чтобы собеседник мог говорить, но руку не отпустил.

– Показалось, – с трудом произнес грубиян. Трое его товарищей стояли как вкопанные. Самый крепкий, первым ощутивший травматическое рукопожатие, был весь бледный от страха. Он молча смотрел на Гарева и потирал ноющую от боли кисть.

Виталий с еще большей силой сдвинул руку бедняге. Послышался хруст суставов. Парень изогнулся, его колени подкосились, и гримаса исказила и без того непривлекательное лицо.

– На расстоянии чего только не послышится. А я пытался попросить вас не шуметь, но, видимо, меня не было слышно. Ребята, я понял, вы отмечаете прекрасное событие, но если хотите шуметь, кричать и материться, то место выбрано неверно, – спокойным голосом сказал Виталий.

Самый крепкий из ребят уже успел прийти в себя.

– Отпустите Толика. Мы все поняли. Парни, поехали.

Гариев отпустил худощавого и посмотрел на троих, стоящих в стороне.

– У кого сын-то родился? – поинтересовался Виталий.

– У меня, – ответил самый крепкий.

– Поздравляю. Ты бы лучше проспался и ехал с утра к жене с сыном. Пить можно в любой день. А вот первые дни у твоего ребенка будут только один раз.

– Я разберусь, – недовольным голосом ответил новоявленный отец.

– Не сомневаюсь. Удачи ребята.

Виталий развернулся и направился домой. Зайдя в квартиру, он снял верхнюю одежду и подошел к окну, не включая свет. Машина все еще стояла во дворе, но ни музыки, ни шума слышно не было. Гариев сходил умыться и, вернувшись в спальную, снова выглянул в окно. Машина уехала. Виталий лег под одеяло, закрыл глаза и прислушался. Полная тишина, ни звука. Он лежал так минут пятнадцать, пока в голове не послышался приближающийся изда- лека скрип, похожий на радиопомехи. Виталий открыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.